

УДК 316.3:004

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

Поступила: 01.08.2023

Принята: 26.08.2023

Опубликована: 06.10.2023

БЛАЗИРОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ГОРОДА

Прокофьева Алена Викторовна, Сомхишвили Кристина Отариевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В статье дан анализ выведенной Г. Зиммелем категории «блазириванность», которая понимается как специфическая характеристика духовной и социальной жизни больших городов. Рассмотрены источники формирования блазириванности и ее ключевые аспекты, трансформация механизма блазириванности и использование в разных «точках» социального пространства, в т.ч. в киберсреде. Дополнительно описывается «ловушка блазириванности», когда затрачиваемые на сокращение нервного напряжения усилия не приводят к желаемому результату, а могут даже увеличивать интеллектуальную нагрузку. Отдельно рассматривается изменение механизма блазириванности в условиях карантина и самоизоляции населения больших городов в период пандемии COVID-19, когда возможности использования городской среды и ее экономической и социально-культурной инфраструктуры были значительно сокращены или требовали буквально впустить пространство города в собственное жилище. Последнее приводит к поиску способов снижения гетеротопичности пространства, ориентацию на производство противодействующих факторов и использование доступных физических ограничителей. На примерах рассматривается трансформация не только повседневной жизни, но и практик сохранения привычного способа выстраивания отношений с Другими в меняющихся обстоятельствах. Предпринято описание современного города через такие категории как, «фланирование» и «вежливое невнимание», которые в сочетании с «блазириванностью» позволяют описать трансформацию повседневных практик жителей большого города. Горожане стремятся снизить риски цифровизации за счет поиска способов сохранения правил функционирования социальных систем и закрепления границ их действия даже в случае нарушения последних или невозможности разделить их временными затратами на повседневные перемещения. Блазириванность — это не только механизм отделения от одних и создания связи с другими. Именно аспект осознанного принятия позволяет сохранять социально одобряемый фокус внимания при исполнении определенных социальных ролей.

Ключевые слова: социология Г. Зиммеля, большие города, блазириванность, городское пространство, индивидуализация, гетеротопия, вежливое невнимание, фланирование, киберфланер.

Для цитирования:

Прокофьева А.В., Сомхишвили К.О. Блазириванность современного цифрового города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 382–395. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

BLASÉ ATTITUDE AND THE MODERN DIGITAL CITY

Alyona V. Prokofyeva, Kristina O. Somkhishvili

Perm State University (Perm)

The article provides an analysis of the category «blasé attitude» inferred by G. Simmel as a specific feature of the mental and social life of big cities. The study deals with the sources of the formation of blasé attitude and its key aspects as well as the transformation of the blasé attitude mechanism and the use in different «points» of social space, including in cyberenvironment. In addition, the «blasé attitude trap» is described, which is when the efforts expended in order to reduce nervous tension do not lead to the desired result and can even increase the intellectual load. The paper separately examines changes in the mechanism of blasé attitude under lockdown and self-isolation of the population of big cities during the COVID-19 pandemic, characterized by the possibilities of using urban environment and its economic and socio-cultural infrastructure being significantly reduced or requiring that a person literally let the space of the city into their own home. The latter leads to the search for ways of reducing the heterotopicity of space, to a focus on the production of counteracting factors and the use of available physical constraints. The examples considered in the paper show the transformation of not only everyday life but also the practices of maintaining the usual way of building relationships with Others in changing circumstances. The modern city is described through such categories as «flânerie» and «civil inattention», which, in combination with «blasé attitude», allow us to demonstrate the transformation of everyday practices of the inhabitants of a big city. Citizens seek to reduce the risks of digitalization by finding ways to preserve the rules of the functioning of social systems and fix the boundaries of their operation, even if the boundaries are violated or it is impossible to separate them by time spent on daily movements. Blasé attitude is not only a mechanism for separating from some and creating a connection with others. It is the aspect of conscious acceptance that allows one to maintain a socially approved focus of attention in the performance of certain social roles.

Keywords: sociology of G. Simmel, big cities, blasé attitude, urban space, individuation, heterotopia, civil inattention, flânerie, cyberflâneur.

To cite:

Prokofyeva A.V., Somkhishvili K.O. [Blasé attitude and the modern digital city]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 382–395 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-382-395>

Введение

Город в социологии в наиболее широком смысле трактуется как социально-территориальная общность с определенными характеристиками, каждая из которых ставится в центр внимания в зависимости от подхода конкретного автора. На первый план могут выходить характеристики, связанные с высокой концентрацией населения на небольшом пространстве, многообразием видов хозяйственной деятельности, преимущественно не связанной с ведением сельского хозяйства, выполнением социально-политических (быть административным центром и публич-

ным пространством выражения общественного мнения) и социокультурных функций (быть центром науки, образования и культуры) [Вебер М., 2017, с. 10].

Начиная с идей Г. Зиммеля и Ф. Тенниса, которые получили продолжение в работах Чикагской школы, одной из таких важных характеристик стало представление о том, что жизнь горожан имеет отличный от жизни селян характер, и что их социальные отношения и взаимодействия отличаются от отношений деревенских жителей. Ф. Теннис описывает жителей крупного города как свободных личностей, постоянно вступающих в многочисленные внеш-

ние связи и контрактные отношения, испытывая при этом внутреннее чувство враждебности и не образуя никакой *общности* (Gemeinschaft) [Теннис Ф., 2002, с. 371].

Л. Вирт с опорой на идеи Тенниса и Зиммеля отмечает, что несмотря на то, что ежедневно горожанин вступает в отношения (в т.ч. «лицом-к-лицу») с большим количеством людей, они являются безличными, поверхностными, мимолетными и сегментарными. «Скрытность, равнодушие и безразличный вид во взаимоотношениях между горожанами можно рассматривать как средства, помогающие им оградить себя от личных притязаний и ожиданий других» [Вирт Л., 1997, с. 181].

Г. Ганс предлагает ревизию представлений Л. Вирта о деперсонализированном и атомизированном жителе города, отмечая, что характеристики городского образа жизни (урбанизма) относятся к определенным категориям жителей внутреннего города. К этим пяти категориям жителей относятся: «космополиты» (представители бизнеса и креативного класса с потребностью в корпоративных и культурных благах, располагающихся в центре города), «неженатые (незамужние) или бездетные», «этнические селяне» (эмигранты из других стран, сохраняющие сельский образ жизни своей родины и изолирующиеся от других групп), «люди, испытывающие лишения» (ввиду сложившейся ситуации на рынке жилья и своего материального положения вынужденные жить в неблагополучных районах с неприятным соседством), «оказавшиеся в ловушке и движущиеся вниз» (не имеющие возможность переехать в другой район при замещении состава населения соседства некоренными жителями) [Ганс Г., 2009].

Таким образом этот феномен ослабления социальных связей был связан с рядом категорий — Gesellschaft, урбанизм, горожане–селяне и гибридные варианты «городских селян». Все они выражают идею о том, что социологически город и городские жители определяются в первую очередь не их численностью и длительностью проживания, а специфическим — формальным, рациональным, анонимизированным — отношением к «Другим», особыми практиками социального взаимодействия и логикой коммуникативных актов. Именно в связи с этим зиммелевская категория базированности как специфической черты духовной жизни больших городов представляется нам требующей внима-

ния. Она содержит потенциал описания не только каноничных, но и новых практик, реализуемых горожанами.

Зиммелевская категория «базированность» и характеристики духовной жизни в разных типах городов

Для Г. Зиммеля источники базированности появляются именно в «большом городе». По мнению социолога, есть ряд характеристик, позволяющих различать малые и большие города, которые в ряде переводов именуется метрополисами. Часть приводимых самим Зиммелем характеристик касаются индивидуальной, а часть — социальной (надиндивидуальной) составляющих жизни в большом городе. Индивидуальные составляющие преимущественно описывают характер двух компонентов духовной жизни — чувственной и интеллектуальной. Духовная жизнь жителя маленького города характеризуется «медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни», «устойчивыми впечатлениями, протекающими с небольшими различиями <...> и представляющими *одни и те же* противоположности», что ведет в свою очередь к «меньшим затратам *сознания*» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Зиммель Г., 2002, с. 24]. Для жителя метрополиса *контраст* между «переживаемым впечатлением и непосредственно предшествовавшим» оказывается довольно глубоким в силу «калейдоскопа *быстро меняющихся* картин, *резкие границы* в пределах одного моментального впечатления, *неожиданно* сбегаящиеся ощущения» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Зиммель Г., 2002, с. 24]. Эти особенности ведут также к тому, что «большим городам в большей степени свойственен *интеллектуальный* характер духовной жизни, а малым городам — проявления *души* и отношений, основанных на *чувстве*» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Зиммель Г., 2002, с. 24].

Акцент на *интеллектуальном* или *чувственном* характере духовной жизни может проявляться как во взаимодействиях с другими (как пишет Зиммель, незнание жителями метрополиса даже своих многолетних соседей делает их в глазах жителей маленького города холодными и бесчувственными), так и в столкновении с разнообразными объектами культуры и внешнего окружения («значение и ценность различия между вещами кажутся ничтожными» жителям большого города) [Зиммель, 2002,

с. 27–28]. Подобные контрасты мы можем наблюдать и в социальной (надындивидуальной) составляющей жизни маленького и большого и города. Для первого характерны «душевные (читай “чувственные”. — прим. авт.) отношения между людьми, основанные на их индивидуальности», тогда как отношения между жителями второго характеризуются существованием внесубъектной системы связей. Эти отношения *рассудочные*, предполагающие рассмотрение других людей как цифр, элементов множества, «ценных лишь по их объективным поддающимся точному взвешиванию трудам» [Зиммель Г., 2002, с. 25].

Особенно это заметно в области экономических отношений: «житель большого города считается со своими поставщиками и покупателями, со своей прислугой и очень нередко с людьми своего общества», поскольку рассматривает каждого из них в результате все более анонимизирующихся типизаций социального взаимодействия как представителя некоторой социальной категории [Зиммель Г., 2002, с. 25; Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 57]. В отличие от них, взаимодействия жителей малых городов протекают в небольших кругах, предполагают знание индивидуальных особенностей других, они более проникнуты чувствами и делают оценку людей более субъективной. По-разному характеризуются и отношения между производителями и покупателями: в маленьком городе «товар производится для покупателя, которым он заказан», они знают друг друга, тогда как в крупном городе массовое производство изделий для рынка нарушает связь между производителем и сотнями покупателей, представляющих ему совершенно неизвестными, никогда не виденными анонимными массами [Зиммель Г., 2002, с. 25].

Интеллектуальный характер духовной жизни, анонимность и обезличенность отношений жителей большого города строится на том, что существует «повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [Зиммель Г., 2002, с. 23]. Нервность жизни становится лицом большого города. После прохождения некоторого абстрактного порога допустимого нервного напряжения, возможности держать в своем внимании множество объектов горожанин отвечает естественным желанием сократить количество впечатлений, и за счет

этого достигается снижение напряженности. Реагирование на амбивалентность внешней среды преимущественно умом («наименее чувствительным психическим органом»), а не чувством, становится «своего рода охраной субъективной жизни от насилия большого города», средством самозащиты [Зиммель Г., 2002, с. 24]. Блазированный становится защитным механизмом, который позволяет функционировать социальной жизни метрополисов.

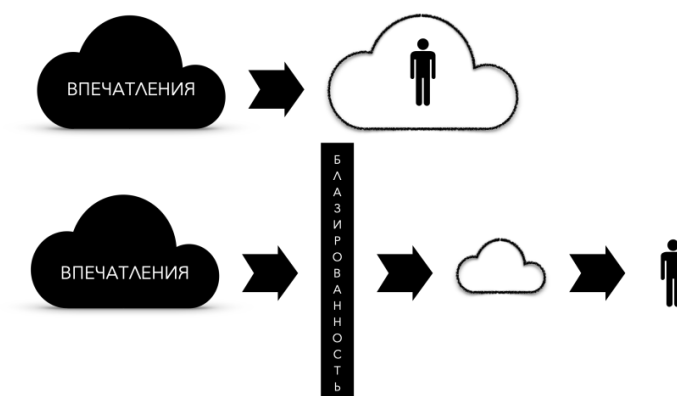
В тексте «Большие города и духовная жизнь» Г. Зиммель приводит следующее определение категории блазированность: «притупленность восприятия различия вещей, не в том смысле, чтобы различия воспринимались неправильно, как это бывает с тупоумными людьми, а в том, что значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными» [Зиммель Г., 2002, с. 5]. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что блазированность оказывается связанной не только с процессом усложнения социальной жизни, но и с тем, как ее воспринимают люди. Притупленность восприятия, о которой он пишет, — в большей степени необходимость и следствие рационализации, а не бессознательная реакция. Это требует определенной интеллектуальной деятельности и не связано с невозможностью понимать или воспринимать, а предполагает осознаваемое стирание разницы. Иллюстрацией того, как работает блазированность будет «вежливое невнимание», о котором подробнее речь пойдет далее. Оно представляет собой не только осознанный социальный договор о невмешательстве, но и серию индивидуальных решений в отношении участников взаимодействия в соответствии с ситуацией и ролями.

У Г. Зиммеля блазированность рассматривается как бы в двух ракурсах, он говорит о двух ее источниках: физиологическом и денежном. Физиологический источник блазированнойности заключается в ограниченности возможностей человеческого восприятия, люди ограничены в количестве интеракций, которые они способны поддерживать. Естественной реакцией в этом случае становится сокращение восприятий и снижение необходимости эмоциональной включенности. Денежно-хозяйственный источник схватывает изменение нашего отношения к объектам при появлении эквивалента, в который их можно перевести. Буквально все, что может быть переведено, становится эквивален-

том, а значит, теряет свою уникальность. Качественная природа заменяется количеством эквивалента [Зиммель Г., 2002, с. 27–28].

Интересно, что в англоязычной версии текста блазированность обозначается как «blasé attitude», т.е. буквально пресыщенное отношение/позиция/установка, что подчеркивает необходимость ограничения [Simmel G., 2002, p. 14]. Удачную метафору, иллюстрирующую блазированность, можно найти у шотландских исследователей Дж. Браунли и С. Андерсона — «пелена, скрывающая горожан», некоторая невесомая преграда, мы знаем о существовании людей за ней, но настолько их не видим, что

они для нас сливаются в однотипные фигуры. И эта пелена застилает не только горожан, но и отношения между ними. Сами авторы статьи в противовес блазированнойности ставят категорию «доброты» [Brownlie J., Anderson S., 2017]. Но блазированность Г. Зиммель не использует в негативной коннотации, она в большей степени является естественно появившимся сдерживающим защитным механизмом, который позволяет оградиться от потока впечатлений и снизить напряженность. Преграда позволяет жителю большого города продолжать совершать повседневные действия, не беря в расчет то, что находится за преградой (см. рисунок).

Работа механизма блазированнойности

Operation of blasé attitude mechanism

Блазированность следует понимать как механизм, появляющийся в ответ на избыток впечатлений и представляющий собой ориентацию на рациональное сокращение восприятий, занятие пресыщенной позиции. Житель большого города вынужден сталкиваться с объемом впечатлений, значительно превышающим его возможности восприятия. В ответ на это появляется рациональный выбор, который позволяет типизировать и маркировать объекты в качестве требующих внимания и, наоборот, не требующих такового. Область впечатлений, требующих нервных затрат горожанина, сокращается, а деятельность автоматизируется.

Связь категорий «блазированность» и «фланерство», «киберфланерство»

Рост городов, развитие техники и технологий приводят в том числе и к изменениям в социальном пространстве. Повседневность, прежде

всего жителей городов, протекает в двух мирах одновременно. Предварительно можно предположить, что блазированность, как и ряд других социальных механизмов, трансформировалась. Она распространилась на другие формы и пространства пребывания людей. Нашла свое отражение в том, как люди перемещаются по городу. Есть те, кто движется от одной точки города до другой по точно выверенной траектории, руководствуясь рабочим графиком и списком задач на день, но есть и те, кто может прогуливаться по городу, перемещаясь словно бы следуя за самим течением городской жизни. Последних можно назвать фланерами.

Категорию «фланерство» ввел В. Беньямин, представитель франкфуртской критической школы, подразумевая под фланером «праздно шатающуюся личность», выражающую своей прогулкой «черепашьим шагом» и разглядыванием витрин пассажир социальный протест

против деловитости городских передвижений специалистов, порождений современной системы разделения труда [Беньямин В., 2004, с. 105]. В отличие от последних, фланер взаимодействует с городской средой, воспринимая ее как произведение изобразительного искусства, отсюда и интерес к разглядыванию витрин пассажей. Ссылаясь на работу Г. Зиммеля по философии культуры, Беньямин отмечает, что взаимоотношения людей «в больших городах отличаются ярко выраженным перевесом активности зрения над активностью слуха» [Беньямин В., 2004, с. 83]. Сравнивая фланера с детективом, Беньямин отмечает, что его бездействие лишь кажущееся, за ним скрывается бдительность наблюдателя, художника, схватывающего городской пейзаж и его обитателей на лету [Беньямин В., 2004, с. 88].

Каким образом блазириванность как механизм приглушения восприятия могла работать при фланировании, которое является не просто праздным шатанием, а способом постижения жизни городских улиц во всем ее разнообразии? В момент прогулки фланер словно отключает на короткий промежуток времени механизм блазириванности, выхватывая определенный фрагмент городского опыта. Фланер, в отличие от спешащего по делам горожанина, умеет не только отказываться от восприятия ряда впечатлений, но включать их в поле своего внимания в процессе познания города. Вайнер со ссылкой на белорусско-американского политолога Евгения Морозова [Morozov E., 2012] говорит о киберфланерстве, являющемся ответом на механизм блазириванности в интернет-пространстве. Такие компании, как Facebook и Google делают невозможным цифровое фланирование, потому что их алгоритмы предлагают пользователям готовые решения, лишая их возможности встречи с неожиданным, неизведанным, случайным. Такой способ снижения количества впечатлений становится скорее ловушкой блазириванности, чем отлаженным механизмом сокращения восприятий, т.к. выбор областей включения и отключения реализуется не самим пользователем.

Например, запрос в поисковой системе ожидаемо должен избавить нас от лишнего потока эмоциональных восприятий и интеллектуальных затрат. Если с первым он достаточно хорошо справляется, в том числе за счет блокирования рекламы, которая стремится воздействовать

именно на эмоциональную, чувственную сферу, то интеллектуальные затраты не просто не уменьшаются, а могут даже увеличиваться, превращаясь в неструктурированный «информационный шум». Как бы точно мы не формулировали запрос, алгоритм поиска действует по своим правилам, которые могут не совпадать с нашим представлением. Множество ссылок, выдаваемых на наш запрос, каждая из которых требует открытия и осмысления, может быть наполнена гиперссылками, ведущими на другие связанные страницы, или ссылками на схожие материалы по ранее созданному запросу. В силу того, что алгоритм не знает, какое содержание и в каком контексте мы действительно хотим найти, он предлагает ознакомиться со всеми релевантными ссылками, что может требовать дополнительных затрат и включения внимания.

Следует отметить, что в отношении восприятия информационного шума в интернет-пространстве наблюдаются культурные и поколенческие различия. Исследовательская компания Nielsen Norman Group, изучающая пользовательский опыт (UX), провела исследование, посвященное восприятию дизайна интернет-сайтов. Считается, что европейские и североамериканские сайты имеют более лаконичный дизайн в отличие от азиатских, которые информационно очень насыщены и менее структурированы. Участников исследования (коренных китайцев и приехавших работать в Китай выходцев из других стран, преимущественно англоговорящих) попросили выполнить ряд заданий при работе с сайтами нескольких китайских компаний. Китайцы работали с версиями сайтов на китайском языке, иностранцы — с англоязычными версиями. Участники исследования должны были записывать свои наблюдения и устные комментарии прямо по ходу выполнения заданий и ответить в последующем на ряд вопросов.

В целом, участники исследования отметили, что для китайских сайтов характерна более высокая сложность и это скорее является для них распространенной практикой, своего рода традицией. Иностранцы участники исследования разделились на две группы. Большая часть из них отмечала, что китайские сайты сложны в использовании, их чаще раздражали проблемы пользовательского опыта на сложно устроенных сайтах, нежели на тех, которые приближались к более лаконичному, «некитайскому»

веб-дизайну. Другая часть данной группы предположила, что насыщенный дизайн и избыточность информации — это способ представлять ее честно и прямо. Для китайских пользователей ориентирование в сложных сайтах не представляло проблемы. Как сказал один китайский пользователь о сайте с низкой сложностью и с приближенным к западному дизайном: «С точки зрения чистого дизайна, такого как значки, изображения, макет, сайт великолепен и соответствует тому, что нравится людям, по крайней мере, молодежи. Это просто, понятно, без рекламы и бесполезной информации. Но проблема в том, что кроме того, что на нем нет бесполезной информации, на нем также отсутствует и полезная. Я не могу найти ничего полезного в этих простых ссылках. Все это введение функциональности — просто игра слов, без настоящей сути, без реального содержания». Здесь можно наблюдать и поколенческую проблему, поскольку при изменении дизайна сайтов на более лаконичный навык «плавать как рыба в воде» на информационно насыщенных и даже перегруженных сайтах может постепенно ослабевать [Cheng Y., Nielsen J., 2016].

Китайские пользователи больше привыкли к сложному веб-дизайну и меньше жаловались на него, однако это не всегда предполагало, что китайские участники исследования тратили значительно меньше времени на навигацию по сложным веб-сайтам по сравнению с иностранцами. В целом авторы исследования отмечают, что низкая плотность информации на странице не способствует повышению удобства ее использования, поэтому китайские пользователи даже при переходе на слишком «аскетичный» дизайн отказываются от него быстрее, чем западные [Cheng Y., Nielsen J., 2016]. Это приводит нас еще и к тому, что какая-то часть избыточной, по мнению одних, информации будет необходима для построения навигации для других. Интернет-серфинг может приблизиться к фланированию, если будет представлять собой беспорядочный переход по ссылкам (независимость от алгоритмов и отсутствие цели поиска).

Связь категорий «блазириванность» и «вежливое невнимание», дистанционная коммуникация

Для понимания того, как именно на проявление блазириванности влияет массовый переход на интернет-коммуникацию, смешение приватной

и публичной сфер жизни, обратимся к понятию американского социолога Э. Гоффмана «вежливое невнимание» и концепции управления впечатлениями, особенно в условиях поведения в публичных пространствах. «Вежливое невнимание» означает тип отношений, используемый в целом ряде ситуаций интеракции либо между незнакомцами, либо в публичных пространствах. Этот тип отношений предполагает одновременное сочетание визуальных подсказок от участников несфокусированного взаимодействия, демонстрирующих учет присутствия Другого с намеренным отсутствием внимания к нему как сигнал того, что второй участник не является мишенью специфического интереса или замысла [Гоффман Э., 2017, с. 155–156].

Откровенное разглядывание Другого рассматривается как проявление неуважения к нему. Отведение взгляда от Другого и игнорирование является проявлением учтивости, и, с одной стороны, отличается от намеренного игнорирования (участники «рассматривают в упор» или полностью «не видят» Других), когда к представителям групп, подверженных социальной эксклюзии (маргиналы, бездомные, дискриминируемые по расовым или иным признакам группы, слуги), относятся так, словно их вообще нет, или они представляют собой объекты, не заслуживающие даже поверхностного внимания [Гоффман Э., 2017, с. 155–156]. С другой стороны, «вежливое невнимание» отличается от такого вида сфокусированного взаимодействия, которое именуется Гоффманом «взаимным включением» (или «встречей»), предполагающим взгляд глаза в глаза (или жест) как иницирующий сигнал, приглашающий Другого к общению [Гоффман Э., 2017, с. 161–166]. В ряде случаев «вежливое невнимание», осью которого становится работа зрительных органов чувств, может стать прологом к «взаимному включению», поскольку оно базируется на обмене взглядами. Важно, что во всех трех рассматриваемых случаях («вежливое невнимание», «игнорирование или рассматривание в упор как предмета, не заслуживающего даже мимолетного взгляда», «взаимное включение») подчеркивается уникальная социологическая функция обмена взглядами, соединяющего взаимодействующих индивидов, о которой писал Г. Зиммель [Зиммель Г., 2000].

Взгляд глаза в глаза, в противовес обмену вербальными репликами, имеющими предмет-

ное содержание, порождает взаимодействие, не кристаллизующееся ни в какое объективное образование, в отличие от вербального общения зачастую обладающего объективным *содержанием* и обретшего объективную *форму*. Связь, возникающая между людьми благодаря обмену взглядами, растворена в непосредственном действии, разрушается при малейшем отклонении от прямой линии между глазами взаимодействующих акторов, не оставляя никакого объективного следа. Возможно, именно трудности установления устойчивого зрительного контакта, которые часто наблюдаются в интернет-коммуникации, начиная с дистанционных учебных занятий и заканчивая онлайн-совещаниями, лишает ее той силы соединения партнеров по интеракции, которой обладает обмен взглядами при взаимодействии «лицом-к-лицу» в ситуации физического соприсутствия.

Подобно тому, как порядок взаимодействия обнаруживается этнометодологами в экспериментах по нарушению привычного порядка («breaching experiments»), будучи незамеченным в обычной повседневной жизни, так и ситуация массового вынужденного перехода на дистанционную коммуникацию в период пандемии COVID-19 позволяет выявить значимость зрительного контакта в конструировании интеракции. Практики включения/выключения камеры во время онлайн-занятий или онлайн-совещаний получили различные интерпретации в научной литературе. Ряд авторов считают, что феномен «черного экрана» в онлайн-обучении можно трактовать как невозможность вести коммуникацию в силу технических причин или сознательного нежелания (симптом коммуникативной неудачи) и вместе с тем как коммуникативную возможность снять психологические зажимы тем участникам, кому легче высказываться в режиме выключенной камеры [Фаненштиль Т.В. и др., 2020, с. 38–39].

Расширяют интерпретации феномена «черного экрана» данные социологического исследования изменения повседневных практик обучения студентов в условиях массового перехода на дистанционную форму обучения в период пандемии COVID-19, полученные с помощью полуструктурированных интервью со студентами вузов Санкт-Петербурга. Для ряда студентов включение/выключение камеры во время онлайн-занятий выступало в качестве «инструмента регулирования своей степени включен-

ности» — режимы варьировались в зависимости от учебной дисциплины (например, включение камеры чаще использовалось для изучения иностранного языка) и от формы занятия (камеры чаще включали на семинарах в отличие от лекций). Чередование режимов камера on/off связано также с проблемой смешения частной и публичной сфер, когда ряду студентов не хотелось демонстрировать домашнюю обстановку собственных жилищ, наличие в них других людей, домашних животных; также они обращали внимание на то, что ряд преподавателей, будучи дома, использовали в качестве фона книжные полки предположительно для подчеркивания своего академического статуса [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 479].

Переключение частных, «приходских» и публичных пространств [Lofland L.H., 1998, р. 10–14] в повседневной жизни жителя крупного города в силу того, что они распределены по разным его районам, сопровождалось актом перемещения, повседневной пространственной мобильностью. Переезд из дома на работу/учебу и обратно, поход в магазин или учреждения, оказывающие услуги населению, посещение мест проведения досуга и прогулка в парке — все они выступали средством «перехода» из одной локации, закрепляемой за каждой из трех сфер, в другую. В силу того, что в период пандемии COVID-19 перемещаться по городу было невозможно или крайне затруднительно, разделение между частным и публичным пространством либо было стерто, превращая первое во второе, либо было условно перенесено на домашнее пространство, делая его гетеротопией. Подобно тому, как «театр сменяет на прямоугольнике сцены целый ряд чуждых друг другу мест», так и вынужденные оставаться на самоизоляции горожане совмещали в пределах своих квартир несколько несовместимых пространств (учебную аудиторию, рабочий офис, школьный класс, театр или кинотеатр, кухню, спальное место и т.п.) [Фуко М., 2006, с. 200].

Пространства наших домов становились гетеротопичными в т.ч. и благодаря цифровым технологиям, позволявшим нам виртуально посещать театры, кинотеатры, музеи, галереи, делать онлайн-покупки и даже посещать врача. Таким образом, на двухмерных экранах компьютеров и смартфонов «открывались» и представлялись в виде трехмерного пространства ме-

ста, находящиеся иногда за сотни и тысячи километров от нашего дома. Мы не только делаем выбор в пользу того или иного изображения на экране монитора, мы технически можем оградить собственное жилище от нежеланных гостей. С этой функцией справляется не только выключенная камера, но и возможность поставить на задний фон любое изображение или размытие этого фона. В определенный момент мы начинаем меньше замечать звуки ремонта, проходящих на фоне людей и другие, не имеющие отношения к цели коммуникации элементы.

Еще одной особенностью чередования режимов камеры являются особенности самопрезентации. Согласно концепции Э. Гоффмана, в процессе управления впечатлением о себе (в представленном далее примере студенте/преподавателе, офисном сотруднике) личный передний план, включая *внешний вид* и *обстановку*, обычно имеет тенденцию к институционализации. Т.е. интеракция, включающая и самопрезентацию, протекает в институционально закрепленных *обстановках*, располагающихся, как правило, в публичных или «приходских» пространствах — учебной аудитории, офисе и т.п., и при работе над *внешним видом* — костюм, форма, наличие макияжа, соблюдение норм гигиены и т.п. Уже упомянутое исследование студентов показало, как связаны обстановка и внешний вид: нахождение в приватном пространстве собственного дома предполагает домашнюю одежду, но присутствие на занятии в дистанционном формате включает одновременно иное (виртуальное) пространство — рабочее. Одна из информанток упомянутого выше исследования так описывает это несоответствие: «Просто я в пижаме, и мне не хочется, чтобы преподаватели и студенты видели меня в таком виде. Я же не буду одеваться в уличную одежду и краситься» [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 478–479].

Усталость от режима камера-он по причине необходимости управлять впечатлением о себе через работу над своим внешним видом также подтверждается в исследовании, проведенном среди сотрудников одной из американских компаний в области здравоохранения. В частности, бóльшая усталость от использования камер при проведении онлайн-совещаний наблюдалась в группе женщин и сотрудников-новичков [Shockley K.M. et al., 2021, p. 1140, 1142]. Это объясняется необходимостью де-

монстрировать профессиональный внешний вид на рабочем месте, предполагающий ухоженность и корпоративный стиль в одежде. С учетом, что до массового перехода на дистанционную работу в период пандемии COVID-19 в организационном поведении уже наблюдался феномен разрыва в уходе за собой («grooming gap»). «Grooming gap» описывает стандарты гигиены и внешности в организации, которые непропорционально завышены именно в отношении сотрудниц-женщин. Таким образом, для двух групп с более уязвимым социальным статусом в организации, женщин и новичков, камера, вероятно, увеличивает затраты на самопрезентацию, усиливая влияние использования камеры на усталость.

Также режим камера-он используется для «демонстрации подобающей вовлеченности» [Гоффман Э., 2017, с. 95–106]. Студенты включали камеру как «знак уважения к преподавателю или чувства долга и личной ответственности за то, как будет проходить занятие», а сотрудники, недавно устроившиеся в компанию, и имевшие меньше времени для создания и улучшения своего организационного имиджа, предполагающего в т.ч. демонстрацию подобающей вовлеченности, испытывали больше истощения от необходимости участвовать в виртуальных встречах с включенной камерой [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 478; Shockley K.M. et al., 2021, p. 1140, 1142]. Выключение камеры во время онлайн-встречи таким образом становится «экраном вовлеченности» (барьером для восприятия неподобающей или недостаточной вовлеченности, которым ранее могли быть помещения (спальни, ванны) или портативные устройства (веера, газеты, маски и т.п.) [Гоффман Э., 2017, с. 102–104].

Небезынтересно, что отсутствие симметрии в возможности использовать органы зрения в отношении партнеров по взаимодействию воспринимается в том числе и как отсутствие возможности использовать органы слуха. Так, одна из студенток, участвовавших в уже упомянутом исследовании, следующим образом мотивирует необходимость включения камеры: «самая невыносимая вещь на занятиях — это *тишина* на семинарах» (курсив наш. — А.П., К.С.) [Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., 2021, с. 478]. Словно невозможность видеть партнера по взаимодействию воспринимается и как невозможность слышать его. В уже упомянутой зиммелевской

социологии чувств есть указание на то, что использование слуха в коммуникации в социологическом отношении отличается от зрения отсутствием взаимности, сопровождающей взгляд глаза в глаза [Зиммель Г., 2000]. При обмене взглядами невозможно стать наблюдателем за Другим, не став одновременно объектом его наблюдения. В таком случае именно отсутствие визуальной информации о Другом воспринимается как звенящая тишина, которую хочется преодолеть посредством удаления «экрана вовлеченности» — снятия маски, опускания газеты или веера, а в нашем случае — включения камеры ноутбука или смартфона.

Проявления феномена блазириванности в городе периода пандемии COVID-19

Какую бы концепцию современного города мы не представляли, она будет так или иначе связана с двумя составляющими: организация пространств физического соприсутствия и обмен информацией в широком смысле этого слова. Нашу жизнь уже просто нельзя представить без интернета; множество форм взаимодействия имеют свои аналоги и в цифровой среде. Наше повседневное взаимодействие включает обязательное обращение с техническими устройствами, они служат проводниками в дополнительное цифровое пространство. Например, целью создания «цифрового города» является «улучшение качества жизни с помощью технологии городской информатики для повышения эффективности обслуживания и удовлетворения нужд резидентов» [Курчеева Г.И., 2019, с. 57]. В мировой практике складывается тенденция к объединению различных определений новых типов городов («умный город», «город знаний», «кибергород», «развивающийся город» и др.) на основе обобщающего понятия «цифровой город», который описывается как «эффективная интеграция физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданной среде с целью обеспечения устойчивого, благополучного и всестороннего будущего для граждан» [Алферов О.Л., 2021, с. 142].

Однако реальность вносит свои коррективы, и пространство физического соприсутствия может быть ограничено в силу объективных факторов, а доступ к интернету станет не возможностью, а необходимостью. Несколько таких примеров мы приводили выше. Как быть с городами, когда люди буквально оказываются заперты

в собственной квартире? В том числе именно это изменение в реальность внесла пандемия 2020 г. Можно сказать, что мы жили в эпоху затянувшегося карантина, или так называемой новой нормальности. Речь, естественно, не идет о том, что COVID-19 запустил новые процессы, видимые уже сегодня; скорее следует обратить внимание на то, катализатором или тормозом для каких процессов он стал. Свое внимание мы сосредоточим на городе. Как работает механизм блазириванности в ситуации, когда поток восприятий значительно сократился из-за снижения частоты непосредственного контакта с городской средой? Здесь можно обратить внимание на перестройку самой городской среды. Если раньше она ждала времени, когда мы выйдем для взаимодействия к ней, то сейчас она все более явно вторгается в наши дома. Практики, которые ранее были реализуемы исключительно через выход в городское пространство, сейчас реализуются через выход в online.

Если не делать поправку на пандемию, характерной чертой городской блазириванности является способность находиться в состоянии физического соприсутствия, при этом не подерживая состояние духовной и социальной близости. Тесно связано с этим уже упомянутое ранее разделение сфер жизни горожанина на приватную, публичную и «приходскую» (местно-локальную) [Lofland L.H., 1998, p. 10–14], когда горожанин в рамках защитной тактики от слишком тесного взаимодействия с другими, перемещаясь из приватной в публичную сферу, из первичных групп (социальных кругов) во вторичные, одновременно обнажает и скрывает различные аспекты своей личности. Эти стороны блазириванности в COVID-городах словно переворачиваются. Во-первых, условия социального дистанцирования в периоды пандемии подразумевают избегание именно физической, а не духовной близости, более того, на последнюю возрастает спрос, иллюстрацией чему могут быть zoom-вечеринки или другие форматы совместного проведения времени без физического соприсутствия. Как пишет о физическом самоизоляции канадский антрополог Р. Вайнер «те, кто не способен избегать близости с другими людьми, имеют более высокие шансы подвергнуться риску» [Wainer R., 2020]. Иллюстрацией этого в России стал Дагестан, который на момент пандемии располагался на 82 месте по уровню urba-

низации из 85 регионов России [Доля городского населения...]. Как правило, низкий уровень урбанизации может способствовать снижению риска распространения COVID-19 в силу менее плотного расселения, отсутствия массового скопления людей, характерного для больших городов и т.п. Однако распространенный в Дагестане специфический «негородской» образ жизни и характер отношений с тесными семейными и родственными связями (массовое участие в семейных торжествах и памятных событиях от свадеб на 500 человек до похорон) стали одной из причин вспышки заболеваемости COVID-19 наряду с низким индексом самоизоляции, недостаточной подготовленностью медицинских учреждений к большому потоку больных и пр.

Во-вторых, в период карантина происходит не разделение, а смешение частного и публичного секторов нашей жизни, когда наши коллеги, приятели и «городские незнакомцы» получают доступ к нашему приватному пространству в условиях использования технологий видеоконференций. Согласно данным ежегодного мониторинга международной компании ClickMeeting, предоставляющей услуги для проведения вебинаров, их общее количество и число участников за год возросло в разы: 59 425 видеоконференций и 870 579 участников в марте 2019 г. и 299 906 и 3 203 034 в марте 2020 г. соответственно [Webinars and videoconferencing..., 2020]. Использование видеоконференций становится новой реальностью: практика, приобретшая в период пандемии массовый характер, сохранилась и после завершения карантина. Международное агентство в области исследования социальных медиа WeAreSocial отмечает, что на июль 2020 г. число активных участников событий на самых популярных платформах для видеоконференций — Zoom, GoogleMeets, MicrosoftTeams, Skype — ежедневно составляет 515 млн чел., в опросах они указывают, что использование видеосвязи будет столь же частым и после выхода из самоизоляции [Kemp S., 2020].

Такое смешение частного и публичного активизирует проявления блазириванности, в российских реалиях это будет не-включение камер и микрофонов при условии наличия такой возможности, выделение собственных «кабинетов» — мест в квартире, отданных под видеосвязь, изменение гардероба — когда люди

покупают блузки и рубашки в официальном стиле в комплекте с шортами и домашними штанами [Торговля в онлайн-режиме..., 2020]. При обычных условиях переключателем областей функционирования служило перемещение из одного физического пространства в другое, сама среда подсказывала, какой режим внимания необходимо использовать. На самоизоляции роль такого переключателя играют формы проявления блазириванности. Организация рабочего места позволяет перейти в режим невнимания к другим обитателям квартиры. Включение/выключение камеры приравнивается к возможности не замечать параллельно протекающую реальность, но оставаться ее участником. Мы выстраиваем символические границы, которые позволяют сохранить привычную норму впечатлений, заранее иметь представление о том, на какие элементы следует обращать внимание, а какие будут исключены и не будут требовать нервного напряжения.

Заключение

Таким образом, можно говорить об описательном потенциале категории блазириванность, она позволяет схватывать механизм уменьшения восприятий для жителей городов за счет снижения включенности и занятия отстраненной пресыщенной позиции. Отметим также, что блазириванность современного города может превращаться в своего рода ловушку в ситуации, когда не происходит уменьшения рационального и эмоционального потока восприятий. Или это уменьшение не является таковым в действительности. Сам же механизм блазириванности начинает приобретать новые формы выражения на фоне сращения приватного и публичного пространств. Можно предположить, что блазириванность в дальнейшем подойдет для описания стремления индивидов и социальных групп сохранить разницу между этими двумя пространствами.

Данная категория успешно сочетается с другими, описывающими поведение горожан, и позволяет расширить контекст их понимания. Из естественно возникшего механизма она переходит в обозначение целой группы инструментов, позволяющих в нетипичной ситуации сохранить привычные взаимодействия и объемы нервного напряжения. Она не просто описывает индивидуальные поведенческие акты, а дает доступ к

пониманию правил, которые воспроизводятся в той или иной социальной системе.

Современные «цифровые города» предлагают жителям расширение возможностей, но и требуют увеличения затрат внимания. Иногда они значительно размывают границу личного и публичного пространства. В данном случае проявления базированности позволяют устанавливать фактические и символические границы, наносить разметку, внутри которой восстанавливается в том или ином виде привычный порядок работы правил социального взаимодействия.

Список литературы

- Алферов О.Л.* Концепция «умный город» — проект интеллектуальной инфраструктуры среды обитания людей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 140–150. DOI: <https://doi.org/10.31249/grpravo/2021.01.15>
- Беньямин В.* Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. Ч. 2. Фланер // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и фр. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 79–122.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Вебер М.* Город / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
- Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 1997. № 3. С. 169–196.
- Ганс Г.* Урбанизм и субурбанизм как образ жизни (пер. с англ. В.В. Вагина) / *Urban Sociology*. 2009. URL: http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/blog-post_9586.html (дата обращения: 31.07.2023).
- Гоффман Э.* Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / пер. с англ. А.М. Корбута; под ред. М.М. Соколова. М.: Элементарные формы, 2017. 382 с.
- Доля городского населения в общей численности населения на 1 января / Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).* URL: <https://fedstat.ru/indicator/36057> (дата обращения: 31.07.2023).
- Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. № 3(34). С. 23–34.
- Зиммель Г.* Из «Экскурса о социологии чувств» / пер. с нем. К.А. Левинсона // *Новое литературное обозрение*. 2000. № 3(43). С. 5–13.
- Курчеева Г.И.* Комплексная оценка потенциала «цифрового города» // *π-Economy*. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 55–66. DOI: <https://doi.org/10.18721/je.12405>
- Теннис Ф.* *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии* / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
- Торговля в онлайн-режиме: как изменились покупательские предпочтения в период пандемии* // Стопкоронавирус.РФ. 2020. 4 мая. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20200504-1103.html> (дата обращения: 31.07.2023).
- Фаненишитель Т.В., Бахтиярова Е.З., Эннс И.А.* Преподавание философии в новых контекстах. Инструменты цифровой образовательной среды // Сборник тезисов Международной конференции по передовым технологиям обучения EdCrunch-Томск (Томск, 2–4 декабря 2020 г.) / отв. ред. Е.А. Другова. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. С. 35–39.
- Фуко М.* Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
- Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л.* «Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2(162). С. 464–483. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>
- Brownlie J., Anderson S.* Thinking sociologically about kindness: puncturing the blasé in the ordinary city // *Sociology*. 2017. Vol. 51, iss. 6. P. 1222–1238. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038516661266>
- Cheng Y., Nielsen J.* Are Chinese Websites Too Complex? / Nielsen Norman Group. 2016. Nov. 6. URL: <https://www.nngroup.com/articles/china-website-complexity/> (accessed: 31.07.2023).
- Kemp S.* Digital 2020: July Global Statshot Report / DataReportal. 2020. Jul. 21. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-july-global-statshot> (accessed: 31.07.2023).
- Lofland L.H.* *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory*. N.Y.: Aldine De Gruyter, 1998. 305 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315134352>
- Morozov E.* The Death of the Cyberflâneur // *The New York Times*. 2012. Feb. 4. URL: <https://www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/the-death-of-the-cyberflaneur.html> (accessed: 31.07.2023).

Shockley K.M., Gabriel A.S., Robertson D., Rosen Ch.C., Chawla N., Ganster M.L., Ezerins M.E. The Fatiguing Effects of Camera Use in Virtual Meetings: A Within-Person Field Experiment // *Journal of Applied Psychology*. 2021. Vol. 106, iss. 8. P. 1137–1155. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000948>

Simmel G. *The Metropolis and Mental Life* // *The Blackwell City Reader* / ed. by G. Bridge, S. Watson. Malden, MA: Wiley–Blackwell, 2002. P. 11–19.

Wainer R. The metropolis and mental life in the age of COVID-19: Delaying descent into the blasé attitude // *Somatosphere. Science, Medicine, and Anthropology*. 2020. Jun. 25. URL: <http://somatosphere.net/2020/metropolis-mental-life.html> (accessed: 31.07.2023).

Webinars and video conferencing in times of the pandemic: report / Click Meeting. 2020. June. URL: https://knowledge.clickmeeting.com/uploads/2020/07/cm-covid-2020-report_EN.pdf?_ga=2.14911926.1665167159.1602510785-840525250.1602510785 (accessed: 31.07.2023).

References

Alferov, O.L. (2021). [The concept of «Smart city» — the project of intellectual infrastructure of the human habitat] *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law]. No. 1, pp. 140–150. DOI: <https://doi.org/10.31249/rgrpravo/2021.01.15>

Benjamin, W. (2004). [Charles Baudelaire: A lyric poet in the era of high capitalism. Pt. 2. Flâneur]. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [Time masks. Essays on culture and literature]. St. Petersburg: Simpozium Publ., pp. 79–122.

Berger, P.L. and Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 323 p.

Brownlie, J. and Anderson, S. (2017). Thinking sociologically about kindness: puncturing the blasé in the ordinary city. *Sociology*. Vol. 51, iss. 6, pp. 1222–1238. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038516661266>

Cheng, Y. and Nielsen, J. (2016). *Are Chinese websites too complex?* Nielsen Norman Group, Nov. 6. Available at: <https://www.nngroup.com/articles/china-website-complexity/> (accessed 31.07.2023).

Chernova, Zh.V. and Shpakovskaya, L.L. (2021). [«Endless groundhog day»: Sociological analysis of educational practices implemented by university students in a situation of forced isolation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2(162), pp. 464–483. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>

Dolya gorodskogo naseleniya v obschey chislennosti naseleniya na 1 yanvarya [Share of the urban population in the total population as of January 1]. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). Available at: <https://fedstat.ru/indicator/36057> (accessed 31.07.2023).

Fanenshtil, T.V., Bakhtiyarova, E.Z. and Enns, I.A. (2020). [Teaching philosophy in new contexts. tools for the digital educational environment]. *Sbornik tezisev Mezhdunarodnoy konferentsii po peredovym tehnologiyam obucheniya EdCrunch-Tomsk (Tomsk, 2–4 dekabrya 2020 g.)* [Collection of abstracts of the International Conference on Advanced Learning Technologies EdCrunch-Tomsk (Tomsk, December 2–4, 2020)]. Tomsk: TSU Publ., pp. 35–39.

Foucault, M. (2006). [Of other spaces: Utopias and Heterotopias]. *Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Foucault M. Words and things: An archaeology of the human sciences]. Moscow: Praxis Publ., pt. 3, pp. 191–204.

Gans, H. (2009). *Urbanizm i suburbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism and suburbanism as ways of life: a reevaluation of definitions]. *Urban Sociology*. Available at: http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/blog-post_9586.html (accessed 31.07.2023).

Goffman, E. (2017). *Povedenie v publichnykh mestakh: zametki o sotsial'noy organizatsii sborisch* [Behavior in public places: notes on the social organization of gatherings]. Moscow: Elementarnyye Formy Publ., 382 p.

Kemp, S. (2020). *Digital 2020: July Global Statshot Report*. DataReportal. Jul. 21. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-july-global-statshot> (accessed 31.07.2023).

Kurcheeva, G.I. (2019). [A comprehensive assessment of the potential «digital city»]. *π-Economy* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]. Vol. 12, iss. 4, pp. 55–66. DOI: <https://doi.org/10.18721/je.12405>

Lofland, L.H. (1998). *The public realm: Exploring the city's quintessential social territory*. New

York: Aldine De Gruyter Publ., 305 p. DOI:

<https://doi.org/10.4324/9781315134352>

Morozov, E. (2012). The death of the Cyberflâneur. *The New York Times*. Feb. 4. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/the-death-of-the-cyberflaneur.html> (accessed 31.07.2023).

Shockley, K.M., Gabriel, A.S., Robertson, D., Rosen, Ch.C., Chawla, N., Ganster, M.L. and Ezerins, M.E. (2021). The fatiguing effects of camera use in virtual meetings: A within-person field experiment. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 106, iss. 8, pp. 1137–1155. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000948>

Simmel, G. (2000). [From the «Excursus on the Sociology of Feelings»]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 3(43), pp. 5–13.

Simmel, G. (2002). [The metropolis and mental life]. *Logos*. No. 3(34), pp. 23–34.

Simmel, G. (2002). The metropolis and mental life. *G. Bridge, S. Watson (eds.) The Blackwell city reader*. Malden, MA: Wiley–Blackwell Publ., pp. 11–19.

Tönnies, F. (2002). *Obschnost' i obschestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and society: Basic concepts of pure sociology]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 452 p.

Torgovlya v onlayn-rezhime: kak izmenilis' pokupatel'skie predpochteniya v period pandemii (2020) [Online trading: how shopping preferences have changed during the pandemic]. Stopkoronavirus.RF, May 4. Available at: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20200504-1103.html> (accessed 31.07.2023).

Wainer, R. (2020). The metropolis and mental life in the age of COVID-19: Delaying descent into the blasé attitude. *Somatosphere. Science, Medicine, and Anthropology*. Jun. 25. Available at: <http://somatosphere.net/2020/metropolis-mental-life.html> (accessed 31.07.2023).

Weber, M. (2017). *Gorod* [The city]. Moscow: Strelka Press, 252 p.

Webinars and video conferencing in times of the pandemic: report (2020). Click Meeting, June. Available at: https://knowledge.clickmeeting.com/uploads/2020/07/cm-covid-2020-report_EN.pdf?_ga=2.14911926.1665167159.1602510785-840525250.1602510785 (accessed 31.07.2023).

Wirth, L. (1997). [Urbanism as a way of life]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. No. 3, pp. 169–196.

Об авторах

Прокофьева Алена Викторовна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ResearcherID: GLR-4259-2022

Сомхишвили Кристина Отариевна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: skristina13@inbox.ru
ResearcherID: AIE-0706-2022

About the authors

Alyona V. Prokofyeva

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ResearcherID: GLR-4259-2022

Kristina O. Somkhisvili

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: skristina13@inbox.ru
ResearcherID: AIE-0706-2022